

НОВЫЙ РАЗКАЗЪ Г. ЧЕХОВА.

J.

[illegible]

[illegible][illegible][illegible]

етъ, что ей дѣлать. Она видитъ, что ее кругомъ обманываютъ, что суетящіеся около нея интеллигенты благотворятъ на ея счетъ, а свою болтовню о гуманности и „альтруизмѣ“ оправдываютъ ея деньгами. Ей, въ сущности, и нечего дѣлать. Управлять своими дѣлами, своими фабриками она не можетъ и, уже тронутая мелкаго разбора культурностію, сама не знаетъ, что съ собой дѣлать и куда себя пристроить. Она училась, но, конечно, ничему не научилась, и то, что принято называть „образованіемъ“, но что вовсе не есть образованіе, — только развратило ея умъ, вытравило изъ ея сердца тѣ простыя и твердыя вѣрованія, какія были у дѣвочки Анютки. Она вращается въ интеллигентной средѣ, и это довершило дѣло. Отчасти сохранившаяся въ ней простота чувства еще борется съ искусственною атмосферою всяческаго разврата мысли и чувства, въ которомъ она вращается, — и въ этой борьбѣ ея несчастье и драматизмъ ея положенія. Ей хотѣлось бы устроить свою жизнь просто, нянчиться съ дѣтьми, этимъ наполнить свою жизнь, да вытти-то не за кого. Отъ простыхъ людей она отстала, къ „интеллигенціи“ не пристала, и имѣла душу еще не окончательно развращенную, но уже смятенную, уже потерявшую все то простое и ясное, чѣмъ держится и что даетъ смыслъ жизни, она не знаетъ, что дѣлать. „Интеллигентный“ развратъ мысли и чувства отталкиваетъ ее, но она сама уже заражена имъ, она уже охотно прислушивается къ развратнымъ рѣчамъ адвоката Лысевича, находитъ въ этихъ рѣчахъ что-то замѣчательное и пикантное. И она мечется изъ стороны въ сторону: то ей хочется выйти замужъ за мастера Пименова, работающаго на ея фабрику — человѣка простого и преданнаго ей, то она чувствуетъ, что подобный бракъ для нея невозможенъ. Она сама не знаетъ, чего ищетъ въ бракѣ. Бракъ

для нея уже не таинство, а лишь житейское дѣло съ одной стороны и приличная декорация съ другой. У нея нѣтъ ничего твердаго, прочнаго, такого, что она видитъ у окружающихъ ее простыхъ людей. Тутъ же, на глазахъ ея, происходитъ романъ между горничной Машей, которую она очень любитъ и хочетъ „пристроить“ и лакеемъ Мишенькой, въ котораго Маша влюблена. Несмотря на всѣ усилія Анны Акимовны, на обѣщаніе дать за Машей приданое, Мишенька упирается и не хочетъ жениться. Почему же? По одной оригинальной причинѣ: „Свою будущую супругу“, читаемъ мы въ разсказѣ, „Мишенька рисовалъ въ воображеніи не иначе какъ въ видѣ высокой, полной, солидной и благочестивой женщины, съ походкой какъ у павы и почему-то непременно съ длинною шалью на плечахъ, а Маша худа и тонка, и походка у нея мелкая, а главное, что она была слишкомъ соблазнительна и подчасъ сильно нравилась Мишенькѣ, но это, по его мнѣнію, гсдилось не для брака, а лишь для дурнаго поведенія. Когда Анна Акимовна пообѣщала дать приданое, то онъ нѣкоторое время колебался; но какъ-то бѣдный студентъ въ коричневомъ пальто поверхъ мундира, приходившій къ Аннѣ Акимовнѣ съ письмомъ, не могъ удержаться и, восхищенный, обнялъ Машу внизу около вѣшалокъ и, она слегка вскрикнула; Мишенька, стоя наверху на лѣстницѣ, видѣлъ это и съ той поры сталъ питать къ Машѣ брезгливое чувство“.

Конечно, все это можетъ показаться очень забавнымъ, но среди забавнаго есть нѣчто осеиь серіозное. Каковъ бы ни былъ этотъ Мишенька, ограниченный умственно и нравственно, но у него есть что-то прочное, что руководитъ его жизнью, а у Анны Акимовны и у окружающихъ ее „интеллигентнаго“ общества ничего прочнаго нѣтъ, а есть только инстинкты, сдерживаемые, какъ у Анны Васильевны, или разнузданные, какъ у общества, его окружающаго. И вотъ Анна Акимовна, чувствуя себя нехорошо среди этого общества,

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холоповъ добровольныхъ

не знает, куда же ей уйти. Уйти въ среду простыхъ людей, у которыхъ есть что-нибудь прочное? выйти замужъ за Пименова? Но она чувствуетъ, что для нея это невозможно. Всѣ ея мечты о Пименовѣ разбились объ одно лакейское замѣчаніе лакея Мишеньки:

„Что вы смѣтаетесь?“ спросила она (Анна Акимовна), замѣтивъ на его лицѣ улыбку.

— Я внизу былъ и слышалъ, какъ вы шутили насчетъ Пименова... сказалъ онъ (Мишенька) и прикрылъ рукою смѣющийся ротъ. Посадить бы его давеча обѣдать съ Викторомъ Николаевичемъ и съ генераломъ, такъ онъ померъ бы со страху. У Мишеньки задрожали плечи отъ смѣха. — Онъ и вилки, небось, держать не умѣетъ.

„Смѣхъ лакея, его слова, пиджакъ и усики произвели на Анну Акимовну впечатлѣніе нечистоты. Она закрыла глаза, чтобы не видѣть его, и сама того не желая, вообразила Пименова обѣдающаго вмѣстѣ съ Лысевичемъ и Крылинымъ, и его робкая неинтеллигентная фигура показалась ей жалкою, безпомощною, и она почувствовала отвращеніе. И только теперь, въ первый разъ за весь день, она поняла ясно, что все то, что она думала и говорила о Пименовѣ и о бракѣ съ простымъ рабочимъ — вздоръ, глупость и самодурство.

Весь этотъ день, который она провела среди самого разнообразнаго общества, начиная отъ старухи-странницы и кончая утонченнымъ обѣдомъ съ адвокатомъ и генераломъ, разрѣшается скукой и слезами: она легла, не раздѣваясь, и зарыдала отъ стыда и скуки. Досаднѣе и глупѣе всего казалось ей то, что сегодняшнія мечты насчетъ Пименова были честны, возвышены, благородны, но въ то же время она чувствовала, что Лысевичъ и даже Крылинъ для нея были ближе, чѣмъ Пименовъ и всѣ рабочіе взятыя вмѣстѣ. Она думала теперь, что если бы можно было только прожитый данный день изобразить на картинѣ, то все дурное и пошлое, какъ на примѣръ, обѣдъ, слова адвоката, игра въ короли были бы правдой, мечты и разговоры о Пименовѣ выдѣлились бы изъ цѣлаго, какъ фальшивое мѣсто, какъ натяжное. И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастіи, что все уже у нея погибло, и вернуться къ той жизни, когда она спала съ матерью подъ однимъ одеяломъ, или выдумать какую-нибудь новую особенную жизнь, — уже невозможно.“

Такъ кончилась душевная борьба Анны Акимовны. Вся повѣсть Чехова есть исторія о томъ, какъ дичку, полному жизни и силы привили то растлѣвающее начало, которое принято называть „культурностью“, и какъ этотъ дичекъ зачахъ, отивѣлъ, не успѣвъ расцвѣсть, не найдя въ новой средѣ здоровыхъ соковъ, которые могли бы питать его.

М. Николаевъ.